

Библиотечка

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

Залъ 2.

Полка 2.

Июль 1893.

123.

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XV,
ВЫПУСКЪ III.

Печатано по постановленію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.

Тип. Оружн. Штаба.
1893.

Ю Р Т А

(ЛѢТНЕЕ ЖИЛИЩЕ КИРГИЗЪ).

Сообщеніе въ засѣданіи Зап.-Сибирск. Отд. Географ. Общества 3-го марта 1893 г.

Громадное пространство нашихъ владѣній въ Средней Азіи занято многочисленнымъ кочевымъ народомъ—киргизами. Въ составѣ населенія областей Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской киргизы занимаютъ преимущественное мѣсто. Достигая 2-хъ съ лишкомъ милліоновъ въ пяти областяхъ, киргизы въ Семипалатинской и Тургайской областяхъ составляютъ 95% всего населенія.

Мы, европейцы, гордые сознаніемъ превосходства своей культуры, свысока относимся къ киргизамъ, считая ихъ полудикарями, недостойными нашего вниманія.

Такое отношеніе несправедливо. Не говоря уже о практическомъ значеніи изученія жизни управляемаго нами народа, ближайшее знакомство съ бытомъ кочевниковъ представляетъ значительный научный интересъ.

Степь инертна; она консервировала, если можно такъ выразиться, многія черты первобытной экономической культуры. Изученіе же послѣдней важно не только для пониманія современнаго быта киргизовъ, но и ведетъ къ уразумѣнію исторіи развитія человечества.

Въ нашихъ изслѣдованіяхъ степи мы допускаемъ именно ту ошибку, что при оцѣнкѣ явленій экономической и общественной жизни киргизовъ часто принимаемъ за критерій понятія, выработанныя европейской наукой и жизнью. При такомъ отношеніи весьма естественно должны получаться невѣрные выводы. Укажу на одинъ примѣръ.

Въ числѣ характеристическихъ чертъ, приписываемыхъ киргизамъ, изслѣдователи называютъ гостепрѣимство. Основаніемъ для такой лестной для кочевника характеристики послужилъ, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что киргизы, отправляясь въ дорогу по степи, не берутъ съ собой съѣстныхъ припасовъ: въ каждомъ аулѣ, куда бы ни заѣхалъ путникъ, его пріютятъ и накормятъ. Этотъ обычай называется „кунак-асы“.

Но значить-ли „кунак-асы“ то, что мы понимаемъ подъ гостепрѣимствомъ?

Изучая отдѣльныя черты этого обычая, сравнивая его съ аналогичными фактами, встрѣчаемыми у другихъ народовъ, стоящихъ на одинаковомъ съ киргизами уровнѣ развитія, мы приходимъ къ заключенію, что „кунак-асы“ объясняется родовымъ началомъ, проникающимъ въ значительной степени всю жизнь киргизовъ и восходитъ къ той отдаленной отъ насъ эпохѣ, когда общественная организація труда была универсальной экономической формулой, опредѣлявшей жизнь первыхъ человѣческихъ обществъ. Киргизское гостепрѣимство вытекаетъ не столько изъ нравственныхъ, сколько изъ юридическихъ началъ: это—не добродѣтель, а—обязанность; къ лицу, отказавшему въ „кунак-асы“, получившій отказъ имѣетъ право иска въ судѣ бѣевъ и врядъ-ли возможны случаи отказа въ такомъ искѣ.

Послѣ этого, отдавая должное киргизамъ въ другихъ случаяхъ, не станемъ приписывать имъ то, чего они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ, до чего они еще не доросли.

Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ и доказать, какъ невѣрное пониманіе явленій киргизской жизни на практикѣ ведетъ даже прямо къ вреднымъ послѣдствіямъ. Но это отдалило бы меня отъ предмета сообщенія. Я желалъ только сказать, что самобытная и своеобразная жизнь киргизовъ вполне достойна вниманія образованнаго общества.

При поѣздкахъ въ степь я сдѣлалъ нѣсколько наблюденій, велъ разпросы; рѣшаюсь представить теперь вашему вниманію часть этихъ наблюденій о киргизской юртѣ.

Скучна и однообразна киргизская степь. Подъ обшій сѣрово-желтый ея колоритъ подходитъ и цвѣтъ юртъ—этихъ отдѣльныхъ кучъ муравейника, съ которыми можно сравнить киргизскіе аулы, разбросанные по степи.

Но не скучна степь для киргиза, это—его родная стихія. Правда, степь часто ставитъ киргиза въ тяжелыя условія существованія, но онъ дорожитъ ею, любитъ ее. А насколько киргизъ приспособился къ условіямъ степной жизни, можно видѣть на его лѣтнемъ жилищѣ.

Юрта—движимое, разборное имущество киргиза. Отдѣльныя ея части складываются и перевозятся вмѣстѣ съ другими вещами по мѣрѣ перекочевокъ киргизовъ.

Зимой въ юртѣ живутъ только въ крайности, наприм. бѣдняки, или за невозможностью помѣститься въ зимовкѣ всѣмъ женатымъ сыновьямъ большого семейства. Въ южныхъ частяхъ степи, гдѣ трудно достать лѣсной матеріалъ для постройки зимовокъ, киргизы и лѣто и зиму обитаютъ въ юртахъ. Такъ, можно встрѣтить зимой юрты въ камышахъ на озерѣ Балхашѣ и на р. Чу.

Юрта состоитъ изъ деревянныхъ, плетенныхъ, тканыхъ и кошменныхъ частей.

Деревянные части готовятся изъ тальника, растущаго по берегамъ степныхъ рѣчекъ. Мастеръ, приготовляющій эти части, называется „уйче“. Главный трудъ его при постройкѣ юрты упадаетъ на приготовленіе „кереге“. Это—деревянная рѣшетка, основаніе юрты. Орудіями ремесла уйче служатъ „чапачотъ“ (топорикъ) и „уске“ (родъ буравчика). Тальникъ, очищенный отъ коры, высушивается, потомъ распаривается въ кучкѣ тѣющаго баряняго навоза („кій“) и затѣмъ отдѣльнымъ палкамъ тальника дается извѣстный погибъ при посредствѣ незамысловатаго прибора, называемаго „тезъ“. Это довольно толстая палка, одинъ конецъ которой укрѣпляется въ землѣ, а другой, подъ угломъ въ 45°, привязывается къ козламъ. Въ верхнемъ концѣ „тезъ“ дѣлается прорѣзъ, куда уйче вставляетъ тальникъ и тяжестью своего тѣла надавливаетъ на другой конецъ, — получается нѣсколько

дугообразный выгибъ. Выгнутыя такимъ образомъ палки складываются въ рѣшетку и связываются продѣтыми въ отверстія ремешками. 12—17 паръ связанныхъ такимъ способомъ палокъ составляютъ „канать“—одну часть необходимыхъ для юрты кереге. Узлы на концахъ ремешковъ, продѣтыхъ въ кереге, называются „кокъ“. Тѣмъ обстоятельствомъ, что этихъ узловъ въ кереге очень много, воспользовалась народная мудрость для слѣдующей пословицы: „уй ише ала болса, кереге коге саянъ бале буладе“, т. е. въ семьѣ, гдѣ поселился раздоръ, является много бѣдъ, столько—какъ связокъ кереге.

Кому случалось быть на большихъ сѣздахъ киргизовъ, собираемыхъ по распоряженію администраціи для рѣшенія разнаго рода дѣлъ, тому, быть можетъ, приходилось видѣть оригинальное примѣненіе кереге. Въ самомъ бойкомъ мѣстѣ сѣзда ставятся подъ угломъ другъ къ другу два каната кереге. Подъ такой рѣшетчатый треугольникъ садятъ провинившагося въ чемъ-либо киргиза. Наказанный—на виду у всѣхъ и служить предметомъ публичныхъ насмѣшекъ или, чаще, сожалѣній. Это, кажется, русское изобрѣтеніе.

„Уки“—ребра юрты,—аршина четыре длины. Одинъ конецъ ихъ—прямой вставляется въ кругъ вверху юрты и на нихъ держится этотъ кругъ, а другой—погнутый упирается въ кереге и привязывается къ нимъ. Число укъ въ юртѣ соразмѣряется съ числомъ отверстій въ чангарахъ.

„Чангарахъ“—кругъ вверху юрты, чрезъ который освѣщается юрта и куда выходитъ дымъ. „Чангарахъ“ дѣлается изъ березоваго дерева, состоитъ изъ двухъ полукруговъ, связанныхъ между собой и сбитыхъ желѣзомъ. Для приданія юртѣ формы конуса въ чангарахъ вставляются крестъ-на-крестъ выгнутыя нетолстыя деревянныя пластинки, называемыя „кульдереушъ“, числомъ штукъ шесть. По окружности чангарака выдалбливаются сквозныя отверстія, куда вставляются уки. Число этихъ отверстій тоже опредѣляетъ величину юрты: въ меньшей юртѣ чангарахъ имѣетъ 100 отверстій („джузь-козде“), въ большей—150—200.

Двери въ юртѣ состоятъ изъ рамки, вышиной не больше $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Боковыя стороны этой рамки называются „босага“ или „тааныш“, нижняя часть — порогъ — „табылдырыкъ“, верхняя — „мандайча“, самая-же дверь (полотенце) — „есыкъ“. Дверь бываетъ створчатая и — въ одно полотенце. Прежде это была просто рѣшетка („иткерме“), лишь-бы собака не вошла въ юрту. Теперь дверь дѣлается на манеръ русскихъ столярныхъ дверей. Въ боковыхъ сторонахъ дверной рамки, т. е. въ „босага“, имѣются выдолбленные отверстія, за которыя двери привязываются къ кереге.

Между деревянными частями въ юртѣ необходимую принадлежность составляетъ „боканы“ — березовая палка. Въ большихъ юртахъ такихъ палокъ три — четыре. На одномъ концѣ „бокана“ дѣлается выемка или небольшія вилы и этимъ концомъ подпираютъ чангаракъ для предупрежденія паденія юрты подъ напоромъ вѣтра. Для той-же цѣли къ чангараку привязываютъ два длинныхъ аркана (наз. „джиль-бау“), притягивающіе чангаракъ къ центру юрты, гдѣ арканы прикручиваются къ колу, вбитому въ землю.

Всѣ деревянные части, за исключеніемъ бокана, окрашиваются добываемой въ степи охрой въ желтый цвѣтъ.

Уйче, какъ и всякій мастеровой въ степи, работаетъ обыкновенно по заказу. Въ томъ аулѣ, у того хозяина, гдѣ строится юрта, уйче пользуется нѣкоторымъ почетомъ, за нимъ ухаживаютъ, какъ за гостемъ. Все это дѣлается съ той цѣлю, чтобы уйче исполнилъ свою работу и скорѣе и лучше. За приготовленіе деревянныхъ частей одной юрты уйче получаетъ корову или лошадь 4—5 л., что на деньги = 15—20 руб.

Съ наружной стороны кереге, при постановкѣ юрты, кругомъ обставляются чіемъ. Это — родъ циновки, приготовляемой изъ высокой степной травы (по-киргизски — „чій“), солома которой довольно толста, а главное — гибка и очень прочна. Къ выдергиванію чіа, растущаго въ степи въ изобиліи, приступаютъ съ половины іюля. Чій высушивается въ пучкахъ въ юртѣ, а затѣмъ от-

дѣльныя стебли переплетаются нитками изъ бараньей шерсти. Въ приготовленіи чія очень много разнообразія въ степи. Начиная отъ чія, такъ сказать, въ натуральномъ видѣ, связаннаго только въ трехъ параллельныхъ линіяхъ нитками, встрѣчаются полотна, гдѣ всѣ стебли чія перевиты цвѣтными нитками и даже шелкомъ; въ такихъ полотнахъ получается болѣе или менѣе красивый узоръ на манеръ ковра.

Составляя необходимую принадлежность юрты при ея установкѣ, обхватывая въ юртѣ кереге, чій играетъ роль во внутренней обстановкѣ юрты. Онъ замѣняетъ собой ширму, которая ставится, направо отъ входа въ юрту и скрываетъ за собой слѣстные припасы и домашнюю посуду киргиза; на разостланномъ чіѣ лѣтомъ женщины сушатъ „еремчикъ“, „куртъ“ (родъ сыра), и кромѣ того чій является необходимымъ при катаніи кошмѣ.

При постановкѣ юрты употребляется много разной толщины и длины веревокъ („арканъ“), приготовляемыхъ изъ бараньей шерсти, со введеніемъ въ нее, для прочности, конского волоса, и кромѣ того, всякая юрта должна имѣть „баскуръ“. Это тканый шерстяной поясъ, иногда съ довольно красивымъ узоромъ. Ширина баскура не больше двухъ четвертей, а длина—разсчитана на величину окружности юрты. Этотъ поясъ обхватываетъ кереге въ верхней части; стягивая кереге, баскуръ придаетъ юртѣ прочность и красоту. Баскуръ имѣетъ видъ ковровой дорожки, для чего часто и пріобрѣтается русскими. Въ такомъ-же родѣ, какъ баскуръ, готовится киргизами еще другая ткань—„алача“. Это небольшіе половники довольно разнообразныхъ и красивыхъ рисунковъ.

Степь—царство барановъ, а слѣдовательно и—шерсти, изъ которой киргизы готовятъ громадное количество кошмы. Работа кошмѣ производится помочью. Хозяйка юрты, желающая приступить къ катанію кошмы, извѣщаетъ объ этомъ женщинъ своего аула ддя за два до помочи (по-киргизски „момошь“). Въ назначенный день женщины являются безъ особаго зова. Сначала разбиваютъ палками на сухихъ конскихъ или воловьихъ шкурахъ

(„тулак“) промытую баранью шерсть, затѣмъ берутъ два полотна чіа, сшиваютъ ихъ рядомъ и разбитую шерсть раскладываютъ не очень толстымъ слоемъ. Сверху этого еще прибавляется небольшая слой лучшей шерсти, такъ какъ эта сторона будетъ лицевая. Шерсть смачивается горячей водой и чій затѣмъ свертывается въ трубку. Свертокъ скручивается веревкой и выносится изъ юрты, гдѣ по краямъ его надѣваются двѣ веревки, связанные въ видѣ колецъ. Двѣ женщины тянутъ за эти веревки-кольца, въ которыхъ свертокъ свободно вращается, подталкиваемый ногами женщинъ, принимающихъ участіе въ работѣ. Свертокъ катаютъ по аулу и стени. Въ аулѣ въ это время какъ-бы гулянье: шумъ, смѣхъ, болтовня и остроты перемежаются во все время катанья свертка.

Стоитъ при этомъ замѣчать одна особенность. Кромѣ поливанія отъ времени до времени чіа горячей водой, хозяинка считаетъ своей обязанностью при этой работѣ однажды полить понемногу на чій айрану (баранье квашеное молоко). Поливающая или другая женщина произноситъ при этомъ слѣдующее: „алте куъ ашь болсанъ, ата каденде умутпа“, т. е. лучше быть шесть дней голодомъ, чѣмъ забыть обычай предковъ. Это остатокъ старинныхъ вѣрованій, принесеніе жертвы какому-то невидимому существу.

Когда считаютъ, что шерсть достаточно уплотнилась, свертокъ вносятъ въ юрту, раскладываютъ его, кошма теперь свертывается въ трубку уже безъ чіа, женщины садятся въ рядъ и въ тактъ бьютъ по трубкѣ локтями, покатывая ее на разостланномъ чіѣ. Нельзя сказать, чтобъ это была легкая работа; требуется довольно времени и значительное напряженіе мускульной силы, которой, къ слову сказать, у степныхъ женщинъ порядочный запасъ.

Наконецъ кошма послѣ всѣхъ этихъ манипуляцій считается достаточно уплотненной и ровно скатанной, тогда она выносится изъ юрты и раскладывается для просушки.

Для юрты женщины выкраиваютъ изъ кусковъ кошмы слѣдующія части: а) „туурлыкъ“, — состоитъ изъ четырехъ квадратныхъ широкихъ кусковъ, которые покрываютъ кереге и захватываютъ

$\frac{1}{3}$ часть укъ, именно погнутую; б) „узюкъ“ — изъ двухъ частей, каждая имѣетъ видъ трапеціи, кладется на уки такимъ образомъ, что захватываетъ нѣсколько туурлыкъ, а вверху доходитъ до окружности чангарака, имѣя для этого выемку, соответствующую кругу; на нижнемъ краѣ узюка нашиваютъ небольшія квадратныя вышивки, называемыя „додеге“, это — и для красоты и для прикрѣпленія въ этихъ мѣстахъ веревокъ; в) „тюдукъ“ — нѣсколько растянутый четырехугольникъ. Онъ закрываетъ чангаракъ. Отъ большаго или меньшаго открытія тюдука, что дѣлается при посредствѣ веревки, регулируется доставленіе въ юрту свѣта и тяга для выхода дыма. На ночь тюдукъ закрывается, а утромъ обыкновенно изъ юрты раздается голосъ: „тюдукъ ашъ!“ — открой тюдукъ! — и за юртой кто-либо закидываетъ одну изъ веревокъ тюдука на противоположную сторону юрты и загибаетъ уголъ тюдука, а вмѣстѣ съ этимъ въ юрту врывается ослѣпительный дневной свѣтъ.

Всѣ кошмы, употребляемыя для покрытія юрты, оторачиваются волосатымъ шнуркомъ („джіекъ“) и кромѣ того, по концамъ туурлыка привязывается достаточно длинная веревка, узюкъ имѣетъ шесть такихъ веревокъ („бау“) по три съ каждой стороны („басъ-бау“, „орта-бау“ и „аякъ-бау“), а тюдукъ — четыре длинныхъ веревки.

Къ числу кошменныхъ частей нужно также отнести спитый въ два ряда стягъ кошмы — „есыкъ“, которымъ закрываютъ входъ въ юрту. Верхняя часть этого стяга забрасывается на уки прежде наложенія узюка, тяжестью котораго и удерживается, а нижняя ниспадаетъ до основанія юрты, закрываетъ входное отверстіе. Для „есыкъ“ берутъ обыкновенно бѣлую кошму, наружная сторона ея испещряется какимъ либо узоромъ, а нижняя подбивается тоже узорчатымъ чіемъ.

Постановка юрты при кочевкѣ не считается особенно трудной работой, но требуетъ умѣнья и ловкости и выполняется обыкновенно женщинами, которыя при этомъ помогаютъ другъ другу въ аулѣ. Возлагая на женщинъ большую часть работы въ домашнемъ

быту, мужчины и при постановкѣ юрты принимаютъ весьма значительное участіе.

Порядокъ постановки юрты слѣдующій. Сначала изъ кереге составляютъ кругъ, отдѣльными канаты связываются между собой и оставляется только промежутокъ, куда вставляется дверь. Въ центрѣ круга одинъ или два мужчины поднимаютъ на бокахъ чангаракъ, въ который немедленно вставляются уки, концы которыхъ привязываются къ кереге. Остовъ—готовъ. Послѣ этого верхняя часть кереге стягивается баскуромъ и потомъ кереге обтягиваютъ чіемъ. Затѣмъ остовъ покрывается кошмами въ такомъ порядкѣ: туурлыкъ, есыкъ, узюкъ и тюндукъ. При всемъ этомъ однѣ изъ женщинъ, занятія постановкой юрты, находятся внутри юрты и расправляютъ складки узюка и тюндука боканомъ, а другія—снаружи, дѣйствуя съ тою-же цѣлю посредствомъ веревокъ, привязанныхъ къ кошмамъ.

Величина юрты опредѣляется по числу канатовъ: говорятъ—юрта въ три, четыре, пять канатовъ. Большая юрта считается уже въ пять канатовъ, число которыхъ бываетъ 7—8, рѣдко 9 канатовъ. Сообразно этому и высота юрты разная—отъ 3—6-ти аршинъ.

Дверь въ юртѣ обыкновенно смотритъ на с.-в., т. е. противоположно той странѣ свѣта, куда киргизъ, пріобщенный къ магометанству, направляетъ свои молитвенные взоры (въ Мекку и Медину), а также это дѣлается съ цѣлю избѣжать неудобствъ, причиняемыхъ господствующими въ степи южными и юго-западными вѣтрами.

Мы уже видѣли, какимъ оживленіемъ сопровождается работа въ аулѣ кошмъ. Тѣмъ-же неподдѣльнымъ весельемъ сопровождается и постановка юрты. Кромѣ шутокъ, которыми обмѣниваются женщины между собой, участвующій въ работѣ мужчина, стоя въ центрѣ разстаниваемой юрты, дѣлается въ тоже время центромъ, куда направляются шутки, остроты, насмѣшки со стороны женщинъ. Мужчина, занятый поддерживаніемъ чангарака, не будучи въ состояніи оставить свою обязанность, не остается

однакожь въ долгу,—старается отшучиваться отъ падающихъ на него степныхъ красавицъ.

Пріятно наблюдать эту картину неподдѣльнаго веселья и незлобиваго, добродушнаго юмора.

Когда юрта поставлена удачно, т. е. прочно и красиво, то суевѣріе подсказываетъ киргизамъ, что на томъ мѣстѣ не придется долго кочевать; говорятъ при этомъ, что свѣтъ не любитъ совершенства: что-нибудь да случится—или вѣтеръ покачнетъ юрту, или другая какая-либо непріятность. Не нужно-ли видѣть въ этомъ остатокъ ученія Зороастра, по которому Ариманъ вредилъ всему, что сдѣлано Ормуздомъ, — сдѣлано хорошо.

Между юртами различаются два типа: торгоутская, — имѣющая форму конуса и киргизская — куполообразная. Первая менѣе устойчива. Она выставляется въ аулѣ для гостей и для отдѣленныхъ сыновей. Обладаніе большимъ количествомъ юртъ и при томъ разныхъ типовъ — гордость киргиза.

Хорошая юрта стоитъ на наши деньги 150 руб.; обыкновенная-же сѣрая юрта можетъ быть устроена за 40—50 руб. сер.

Смотря по назначенію и величинѣ, юрты подраздѣляются на слѣдующіе виды: а) „кошъ“, б) „джолум-уй“ и в) „аблайча“.

„Кошъ“ — небольшая юрта, которая выставляется для пастуховъ, табунщиковъ, въ аулѣ для гостей и при частыхъ перекочевкахъ, въ виду несложности постановки. Кошъ состоитъ изъ трехъ небольшихъ канатовъ, не имѣетъ чангарака и бокана, уки укрѣпляются въ крестовинѣ сверху коша. При отсутствіи бокана, кошъ, на случай вѣтра, сдерживается веревкой, одинъ конецъ которой привязанъ сверху къ крестовинѣ, а другой къ колу, вбитому въ центръ коша.

„Джолум-уй“ — дорожная юрта (отъ слова „джоль“ — путь, дорога). Она состоитъ изъ трехъ канатовъ, имѣетъ небольшой чангаракъ, а изъ кошемъ употребляются туурлыкъ и тюндукъ, чѣмъ нѣтъ. Это — тѣ джолемейки, которыя вошли теперь въ употребленіе для проходящихъ въ степи войскъ и заготавливаются интендантскимъ вѣдомствомъ. Не обратили-ли при этомъ вниманіе на

то, какъ русскій человѣкъ, солдатъ, по всей вѣроятности, претворилъ киргизское „джолум-уй“ въ болѣе легкое для выговора и пониманія — „джоломейка“.

„Аблайча“ состоитъ изъ небольшого чангарака и прямыхъ утк, концы которыхъ, по обыкновенію, вставляются въ чангаракъ, а другой — упирается прямо въ землю. Для аблайчи требуется только одинъ конецъ кошмы. Это — походная юрта, придуманная ханомъ Аблаемъ для своего войска, отсюда и названіе юрты „аблайча“.

Оставимъ дорожныя и походныя юрты, заглянемъ въ юрту, гдѣ киргизъ мирно проводитъ свою жизнь, — познакомимся съ внутреннимъ расположеніемъ юрты.

Противъ двери, полукругомъ, возлѣ самыхъ кереге устанавливаются на невысокихъ подставкахъ ящички („сандыкъ“) съ различнымъ добромъ киргиза. Передъ ящичками лежатъ ковры и хорошія, обыкновенно вышитыя, кошмы („сырмакъ“). Обиліе ящичковъ (въ кошменныхъ чехлахъ, разшитыхъ узорами) и ковровъ составляетъ гордость хозяина и хозяйки юрты.

Самое почетное мѣсто въ юртѣ это — противъ двери, у ящичковъ. Здѣсь усаживается гость на коверъ или сырмакъ, иногда — одѣяло. Это мѣсто называется „тѣръ“ — отъ слова „тюре“, которымъ назывались ханы, султаны, а теперь — и русскіе чиновники. Почетный гость приглашается слѣдующимъ обращеніемъ: „тѣръ чегеныз“, или — „джаугары чегеныз“, т. е. милости просимъ (указывая на мѣсто) или — проходите повыше.

По срединѣ юрты, противъ чангарака, раскладывается огонь, гдѣ кипятить чайникъ, вечеромъ ставятъ треножникъ для котла и варятъ баранину. Это мѣсто называется „отбасы“. Съ нимъ киргизы соединяютъ представленіе о возможномъ благополучіи на землѣ. Треножникъ ставятъ такъ, чтобы промежутокъ между ножками приходился противъ двери. Наивный киргизъ дѣлаетъ это съ той цѣлю, чтобы дать свободный доступъ всему хорошему, которое, по его понятіямъ, входитъ въ дверь и потомъ — въ „отбасы“.

Въ своей жизни киргизъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ удов-

летвореніе физическихъ потребностей. И вотъ когда это достигнуто, въ минуты полного удовлетворенія, сидя у очага, онъ произноситъ: „аркымъ дагы худай, отумнынъ баснанъ джарылгасынъ“, что въ переводѣ, нѣсколько вольномъ, означаетъ: пусть Богъ будетъ милостивъ ко всякому возлѣ его очага.

Съ благожелательнымъ киргизомъ, который задумчиво сидитъ у своего „отбасы“ невольно напрашивается на сравненіе наблюдавшійся мной одинъ еврей. Онъ оканчивалъ свою субботу. Произнося послѣднія молитвы, еврей вылилъ на столъ немного водки, зажегъ ее и затѣмъ началъ поспѣшно хватать рукой синеватое пламя и какъ-бы закидывать его въ карманъ. Это—чтобы водились — и какъ можно больше — деньги.

И киргизъ и еврей—оба у понимаемаго каждымъ по своему источника благополучія, но какая между ними рѣзкая разница: одинъ желаетъ *всѣмъ* добра, а другой—все хватается *себѣ*, не думая о благополучіи другихъ.

Извиняясь за невольное отступленіе, возвращаюсь къ осмотру юрты.

При входѣ отъ дверей, направо, нѣкоторая часть юрты отдѣляется ширмой изъ чіа. Тамъ кладовка: на кереге развѣшено мясо, стоитъ треножникъ, ведра и на деревянной невысокой подставкѣ—„саба“. Это—приготовленный особымъ способомъ прокопченный кожаный мѣшокъ для кумыса. „Саба“ ставится нѣсколько на виду, чтобы гость видѣлъ, изъ какой посуды онъ пьетъ кумысъ. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, на всей киргизской посудѣ лежитъ порядочный слой грязи, напр. ведра, въ которыхъ доятъ молоко, никогда не моются и на нихъ снаружи отъ долговременнаго употребленія накапливается застывшее молоко, грязь, шерсть и проч. Эта часть юрты называется „чій иши“. Затѣмъ слѣдуетъ этажерка—„осадалъ“, гдѣ хрятся съѣстные припасы, напр. холодное мясо, „баурсаки“ (прѣсные пшеничные колобки, поджаренные въ маслѣ или, чаще всего, въ бараньемъ салѣ). Слѣдующая по очереди мебель въ юртѣ—кровать, называемая со всѣми принадлежностями, т. е. постелью, подушками — „түсекъ-орунъ“.

Дальше — „кебеже“. Это — ящикъ, въ которомъ хранятся лучшіе съѣстные припасы и все, что чаще нужно подъ рукой, наприм. чайная посуда и проч.

Мѣсто хозяина или хозяйки въ юртѣ — предъ кроватью.

Если въ семьѣ есть взрослые дѣвицы или женатый (у бѣдняковъ) сынъ, то лѣвая часть юрты отъ входа отдается имъ и отдѣляется занавѣской. Это же мѣсто служить для положенія умершихъ, тогда тоже отдѣляется занавѣсью.

У входа отъ двери, по лѣвую сторону, мѣсто для беркута, собаки или же для молодежи. Тутъ обыкновенно скромно усаживается какой-либо бѣднякъ или проситель, явившійся къ богатому киргизу.

Что для насъ — домъ, то для киргиза — юрта.

„Улькунъ чангаракъ“ — отцовская юрта считается какъ-бы священной. Обсужденіе важныхъ вопросовъ, событій, касающихся цѣлаго рода, принятіе важныхъ рѣшеній, важныя примиренія и проч. происходятъ въ „улькунъ чангаракъ“. Послѣ смерти отца юрта его переходитъ обыкновенно къ младшему сыну.

Жена отдѣленного сына, послѣ рожденія ею ребенка, обязана, по истеченіи извѣстнаго періода, придти въ отцовскую юрту; при входѣ она должна сдѣлать три поклона и вылить въ очагъ нѣсколько масла, а свекрови — дать какой либо подарокъ. Огонь въ большой (отцовской) юртѣ въ сознаніи киргизовъ имѣетъ большое значеніе. Очевидно, это — остатокъ глубокой древности, когда киргизы, по всей вѣроятности, были огнепоклонники и огонь въ большой юртѣ считался жертвенникомъ.

Войти въ юрту киргиза равно тому, какъ переступить порогъ нашего дома: всѣ находящіеся въ юртѣ поступаютъ подъ защиту хозяина. Нарушившему это, обыкновенно, говорятъ: „алтынъ босаганъ де аттанъ, керегенъ сонъ не ге улай кылдынъ“, т. е. зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, когда онъ переступилъ твой золотой порогъ.

Въ разговорѣ съ гостемъ хозяинъ юрты въ подтвержденіе своихъ словъ часто говоритъ: „не стану же я тебя обманывать въ своей юртѣ“.

При какихъ-либо серьезныхъ увѣреніяхъ киргизъ клянется юртой: глядя на чангаракъ, онъ говоритъ: „коттукадамъ уюмде антѣ этемепъ“, т. е. клянусь своей священной юртой и прибавляется: „аръ кимненъ узъ де узине мешетъ“, т. е. каждому своя юрта — храмъ божій.

Драка постороннихъ лицъ въ юртѣ киргиза для хозяина юрты считается оказаніемъ неуваженія юрты и настолько серьезнымъ, что можетъ послужить основаніемъ иска въ судѣ біевъ.

Между отдѣльными частями юрты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, „босага“, т. е. боковыя части двери, пріобрѣтаютъ юридическое значеніе. Обыкновенно къ „босага“ привязываются подаренныя или же приведенныя въ штрафъ животныя. Если-бы такое животное улягнуло кого-либо и даже причинило-бы тѣмъ смерть, то это въ вину никому не ставятъ. Напротивъ, если это послѣдуетъ отъ лошади, оставленной у босага кѣмъ-либо пріѣзжимъ, то съ него взыскивается кунъ: онъ не долженъ былъ привязывать лошадь къ босага, для этого есть мѣсто сзади юрты, гдѣ случай нанесенія кому-либо вреда лошадью пріѣхавшаго никому въ вину не ставится.

Познакомившись съ юртой, позволительно задаться вопросомъ, каково ея будущее, всегда-ли такъ обширна будетъ область ея распространенія, какъ теперь?

Имѣющіеся факты позволяютъ сказать, что юрта несомнѣнно должна уступить мѣсто болѣе прочнымъ и постояннымъ помѣщеніямъ, а кочевья — осѣдлымъ поселеніямъ.

Далеко-ли то время, когда одинъ изъ генералъ-губернаторовъ Западной Сибири отклонилъ просьбу миссіонера Макарія помѣстить его въ Кокчетавъ? Это было въ концѣ 20-хъ годовъ нын. ст. Мотивомъ къ отказу послужило то обстоятельство, что киргизы обратились съ просьбой на Высочайше Имя не устранивать въ стени домовъ, не распахивать пашень и пр.

Что же мы видимъ теперь?

Не говоря уже о станицахъ и поселкахъ Сибирскаго казачьяго войска, въ томъ же Кокчетавскомъ уѣздѣ мы имѣемъ двадцать

крестьянскихъ деревень съ населеніемъ до 17 т. И на этомъ, очевидно, дѣло не остановится, такъ какъ многія мѣста киргизской степи признаны вполне пригодными для осѣдлыхъ поселеній и земледѣльской культуры.

Интересы киргизовъ въ этомъ переходномъ періодѣ несомнѣнно должны сталкиваться съ требованіями новыхъ элементовъ, прибывающихъ въ степь. Предъ киргизомъ, который задумчиво сидитъ у своего „отбасы“, уже стоитъ грозный вопросъ: приспособлять или приспосабливаться?

Примиришь сталкивающіеся въ степи интересы, помочь киргизу ориентироваться въ нарождающихся въ степи новыхъ условіяхъ жизни, — лежитъ на обязанности тѣхъ, кто руководитъ дѣломъ устройства степи.

Громадную важность въ этомъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ знаніе киргизской жизни.

Но мы такъ мало знаемъ степь и ея обитателей.

Въ нашемъ Обществѣ въ послѣднее время все чаще и чаще возникаютъ вопросы, касающіеся степи и высказана мысль о необходимости изученія степи.

Присоединяясь къ этой мысли, позволяю себѣ высказать, что исходнымъ пунктомъ изученія жизни киргизовъ могла-бы служить юрта. Это — центръ всей современной жизни киргиза. Здѣсь онъ рождается, растетъ; тутъ вся его домашняя и общественная жизнь, его ремесла, небогатая поэзія, искусство и здѣсь-же складывается его міросозерцаніе. Въ юртѣ проходитъ почти вся жизнь киргиза съ ея степными радостями и горемъ. Зимовка для киргиза составляетъ только печальную необходимость, сюда загоняетъ его стужа и степной бурянь. Съ первыми теплыми лучами весенняго солнца киргизъ спѣшитъ оставить свою черную и душную зимовку, чтобы предаться нѣгѣ въ своей родной стихіи — необъятной степи.

Изъ моего небольшого очерка можно видѣть, какъ киргизъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявляетъ симпатичныя стороны своей натуры.

При ближайшемъ знакомствѣ, при болѣе близкихъ отношеніяхъ мы несомнѣнно встрѣтимъ многія хорошія черты человѣческой природы степняка—киргиза. Остается пожелать, чтобы киргизъ въ предстоящемъ ему приспособленіи сохранилъ бы свои симпатичныя душевныя качества и получилъ бы возможность и средства къ своему усовершенствованію.

П. МАКОВЕЦКІЙ.

